

Таганрогская правда. – 2003. – 22 янв. – С. 7; 23 янв. – С. 7;
28 янв. – С. 7; 29 янв. – С. 7

Дом в Ярмарочном

Шапочка Е.

Кажется, о жизни и творчестве Антона Павловича Чехова сказано уже все, однако то и дело «всплывают» новые детали, позволяющие посмотреть на нашего выдающегося земляка с совершенно неожиданной стороны. Давайте оставим анализ творчества Чехова специалистам, ведь Таганрог интересен всем чеховедам прежде всего как город, где прошли детские годы Антона Павловича, где формировался его характер, где он учился жить и чувствовать.

Накануне очередной годовщины со дня рождения Антона Павловича мы начинаем публиковать материал нашего постоянного автора Елизаветы Шапочка. Надеемся, что малоизвестные страницы из детства Антона Чехова будут интересны нашим читателям.

В чужом доме

В первый класс Антон Чехов был зачислен вместе с братом Николаем. Это произошло в 1869 году. Семья Чеховых только осваивалась в доме купца Иосифа Моисеева, который она арендовала. С верхнего этажа особняка можно было видеть на рейде парусники, пароходы. Отсюда до шлагбаума идти недолго, а дальше и вовсе простиралась степь. Хотя и стоял дом почти на самом краю города, но угол Ярмарочного переулка и Монастырской улицы в те годы был весьма оживлен.

Павел Егорович выбором дома, который он снял на пять лет у владельца водочных складов на Новом базаре И. Моисеева, остался доволен. Две ярмарочные площади, торговые ряды, железнодорожный вокзал, Митрофаниевская церковь, мужская гимназия (в ней к этому времени уже учились Александр, Николай и Антон), городской сад, театр и дом, где жили родственники Лободины, – все находилось неподалеку. От моря, правда, стали жить дальше, но это не мешало страстному рыболову Антоше при каждом удобном случае уходить с удочками в гавань, приладив вместо обычного поплавка смешного человечка: когда рыба клевала, он поднимал руки вверх.

Сестра Женя

В семье ждали пополнения. 12 октября 1869 года у П.Е. и Е.Я. Чеховых родилась дочь, ей в честь матери дали имя Евгения. Возвратившись из гимназии, Антоша нянчил маленькую Женю. Усаживая ее к себе на плечи, он бегал так по дому, чем вызывал у девочки счастливый смех. В сентябре 1871 года Жени не стало. Ее похоронили на городском кладбище, где уже покоились бабушка Александра Ивановна и ее сын Иван Яковлевич Морозов.

Кухарка Явдоха и литератор Стулли

На первом этаже дома П.Е. Чехов устроил бакалейную лавку с броской вывеской: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Чуть ниже: «На вынос и распивочно», что обозначало – в лавке есть заветный столик для завсегдатаев. Здесь можно было посидеть, потолковать, выпить стаканчик сантуринского вина или водки. В подвале под домом хранили бочки с вином, ящики с товаром, а попасть в него можно было прямо из лавки. Вот и приходилось Андрюшке или Гаврюшке то и дело туда спускаться.

Андрей и Гавриил Харченко, мальчики 8 и 10 лет, были отданы матерью-крестьянкой в ученье к П.Е. Чехову. Они так же, как и кухарка Явдоха, няня Аксиныя Степановна, размещались на нижнем этаже. На верхнем обитали семья 44-летнего Павла Егоровича и его квартиранты. За пять лет проживания в этом доме квартировали разные лица. Это учитель истории и географии Ф.С. Стулли. Он впоследствии стал литератором, жил в Петербурге и опубликовал несколько повестей в журнале «Вестник Европы». Это гимназисты старших классов Фронштейн и Павловский. Если о дальнейшей судьбе первого почти ничего

неизвестно, то И.Я. Павловский был постоянно в поле зрения семьи Чеховых. Он стал парижским корреспондентом газеты «Новое время», издававшейся в Петербурге, и поддерживал дружеские отношения с Чеховым. Обитал здесь и мелкий служащий коммерческого суда Г.П. Селиванов, завладевший через несколько лет собственным домом Чеховых на Конторской (ныне ул. Р. Люксембург, 77).

День в доме начинали рано. Павел Егорович отпирал лавку, где хлопотали мальчишки-лавочники. Кухарка ставила самовар. В семь часов к детям выходила Евгения Яковлевна, и дом наполнялся общим движением. Немало гордясь форменными сюртучками и солидными шинелями, братья уходили в гимназию. Мать хлопотала по дому. Младшие дети проводили время подле нее, играли. Маша была резвой девочкой. Тон задавали братья, и она от них не отставала. У детей были разные характеры, и не всегда они уживались мирно. Ваня по обыкновению жаловался на обидчика отцу, и дети за это прозвали его Иуда Шпилич.

Павел Егорович «держит направление»

Павел Егорович – человек сложный по характеру. Для него, как он заметил в одном из писем, важно было «питаться своими трудами и семейство кормить», «держат направление», подчиняться установленному порядку. Это значило отпирать и запираť лавку в нужное время, взвешивать и отмеривать товар, мальчикам – исправно ходить в гимназию, не получать единиц, не отпираться от спевок, не шалить... Несмотря на свою суровость и бесконечное недовольство, не улыбочивый Павел Егорович рано понял, что его дети не так уж плохи.

Едва успел старший Александр уехать в 1875 г. на учебу в Москву, как от Павла Егоровича вслед летит письмо, в котором он с видимым удовольствием отметил «понятливость к наукам» всех детей. «Антоша, – писал он, – хорош на литературу, Ваня на ремесло». Младшего Мишу, которого позже в семье назовут «сладким», отец определит «острым мальчиком». Надо понимать – живым, до всего охочим.

П.Е. Чехов, сознавая преимущества образованности, стремился учить детей не только в гимназии. Язык им преподавала француженка мадам Шопэ. Николай выучился играть на скрипке. Старший Александр вспоминал, что маленький Коля просил: «Кипку, кипку!» Когда ему дали скрипку, он сразу стал подбирать мотив. Его учитель – итальянец Давид Руокко спустя время стал капельмейстером в городском саду. Руокко одним из первых в городе ездил на велосипеде с деревянными колесами. Это было такой редкостью, что прибавляло музыканту популярности. Маша, выслушивая наставления отца: «Занимайся три раза в день по моей методе», играла на фортепиано.

Антон слыл в семье послушным. Он увлекся театром, а вслед за этим – сочинительством. Спектакли устраивали дома, но чаще уходили к гимназическому товарищу Андрею Дросси. Николай рисовал афиши, все вместе готовили декорации, репетировали. Затем, пригласив знакомых гимназистов, прислугу дома, играли. Гимназистом IV класса Антон Чехов написал водевили «Нашла коса на камень» и «Недаром курица пела».

Однако при всем том хорошо, что происходило в семье, П.Е. Чехов бывал несдержан, груб, деспотичен. Ум с сердцем не в ладу. «Добро делать очень трудно для ближних», – признался он значительно позже в письме к сыну Антону. Взыскивать с жены, детей, прислуги – было делом обычным, доходившим до рукоприкладства. Детей Павел Егорович наказывал за опоздание к обеду (он был религиозен до фанатизма), за испачканную одежду, двойки в гимназии, за чужую вишню – бог весть за что.

У Чеховых долгое время не было своего дома, а значит, своего двора, своих деревьев. Спустя годы, живя в Мелихове, Антон Павлович писал: «Я посадил 60 вишен и 80 яблонь. <...> В голове кишат планы. Да, атавизм великая штука. Коли деда и прадеды жили в деревне, то внукам безнаказанно нельзя жить в городе. В сущности, какое это несчастье, что мы с детства не имели своего угла».

Медаль отца

Павел Егорович добивался медали. Ходил в черном сюртуке, цилиндре, в доме бывали священники, учителя и даже заходил как-то градоначальник. В начале 1870-х П.Е.

Чехов – в числе присяжных заседателей Окружного суда. Как член торговой делегации с ноября 1872 г. он наблюдал за правильной торговлей в городе. Все это значило, что отец часто уходил из дому, оставив лавку на попечение сыновей. С первого класса Антону приходилось торговать. Он взвешивал, отмеривал, заворачивал, подавал, вел счет, нужное записывал в амбарную книгу. Приходили мастеровые, мелкие чиновники, гимназисты, учителя, пришлые монахи, рыбаки, приказчики – калейдоскоп лиц менялся, как менялись дни. Зимой в лавке от холода замерзали чернила. Коченел в ней и Антоша. Дабы товар не портился, лавка не отапливалась.

В бакалейной лавке отца Антон, как вспоминал брат Александр, учил и недоучивал уроки, проводил золотые дни гимназических каникул. В лавке надо быть приветливым с покупателями и завсегдатаями распивочного места, а так хочется вон отсюда в укромное местечко над лестницей, в городской сад, на море или в гости к тете Марфочке. О проживании в доме Моисеева. Александр Чехов вспоминал в письме к брату Михаилу: «Что это была за дьявольщина. Это было сплошное татарское иго без просвета, с торговой делегацией и стремлением к медалям во главе. Медаль! Какую роль играла в нашей семье! Мозга не было, а честолюбие было громадное. Из-за медали и детство наше погибло».

Серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на шее П.Е. Чехов был награжден «за усердную службу по наблюдению за правильным производством торговли в городе Таганроге». Удостоверилось событие свидетельством, выданным городской Думой 12 апреля 1872 г.

Двоечник Антоша

В этот учебный год Антоша был оставлен в третьем классе на повторный курс из-за арифметики и географии. Была ли задана Антону порка по этому случаю или родительское сердце смягчилось ввиду торжественного обстоятельства – неизвестно. Детей в это лето, как и в прошлое, отпустили погостить к дедушке и бабушке в имение графа Платова Княжюю. Дорога через степь с ее лиловыми далями, коршунами в небе, каменными бабами на курганах, с нездешней тоской цикад навсегда запомнилась юному Чехову. Пройдет только 16 лет, и читающая Россия восхитится его повестью «Степь», рассказами «Счастье», «Святой ночью», «Перекасти-поле».

П.Е. Чехов в это лето был доволен общественным признанием. Его неизменный сюртук, цилиндр и крахмальную сорочку теперь дополняла долгожданная медаль. Он даже стал подстригать выше бороду, чтобы лучше было видно награду. В приподнятом настроении Павел Егорович даже вдруг засобирился вместе с Евгенией Яковлевной в Москву на поли-техническую выставку, к брату Михаилу, к другим родственникам в Калугу и в Шую. Это была первая поездка родителей по железной дороге, открытой в 1869 г. Осенью в семье произошли и другие приятные события: Саша подал прошение с просьбой обучаться в ремесленном классе переплетному делу и был зачислен, П.Е. Чехова избрали кандидатом в торговую делегацию, о чем всех горожан известила газета «Ведомости Таганрогского градоначальства». В конце этого же года певческий хор Павла Егоровича получил 30 рублей поощрительных за выступления в греческом монастыре Святой Троицы.

Новые заботы 1873 года

Новый 1873 г. сулил П.Е. Чехову много забот и денежных расходов. Устав от частых и утомительных переездов с квартиры на квартиру, давно желая иметь свой дом, он начинает постройку на Конторской улице, 77, на земле, принадлежавшей его матери Е.Е. Чеховой. Стройка потребовала материального напряжения, и Павел Егорович, чтобы увеличить доходы от торговли, открыл еще одну лавку на вокзальной площади. Торговать поручили Саше и Антоше. Братья только что закончили учебный год, Саша перешел в 6-й класс, а Антоша – в 4-й, и оба рассчитывали на каникулярный отдых, но пришлось сидеть в лавке. По заведенному обычаю, как и в мои- сеевском доме, лавку открывали в 5 часов утра и закрывали поздно вечером. Осенью стали подсчитывать доходы. Оказалось, что на керосин и прочие расходы денег ушло больше. Тогда П.Е. Чехов эту лавку закрыл и обустроил другую - на новом базаре. Но и здесь торговля не шла, и тогда ее закрыли вовсе.

Сапожно-портняжное ремесло будущего писателя

В октябре этого же 1873 года вслед за Александром Николай, Иван и Антон начинают обучаться в ремесленных классах при уездном училище. Антон вместе с Николаем учился сапожно-портняжному ремеслу, а Иван, как и Александр, – переплетному. Об успехах известно из сохранившихся учебных ведомостей. Хуже всех учился Николай. Он вскоре был исключен за «громкое поведение и тихие успехи». Александр вскоре оставил ремесло из-за недостатка свободного времени, поскольку учился в выпускном классе гимназии.

У Антона к концу лета были отмечены отличные успехи и отличное поведение. Свои способности в деле Антон проявил, когда сшил Николаю серые гимназические штаны, настолько узкие, точно трико. Довольный обновкой, Николай отправился на прогулку. Мальчишки сразу же подметили: «Штаны макаронами, сапоги – корабли». Но Николай не обращал на это внимания. Таких брюк не носил никто. Для себя Антоша сшил жакет, жилет и трое брюк. В ведомостях о работе стояла подпись преподавателя В. Порумба – человека доброго, известного всем как мастер на все руки.

Сестра матери

Новый дом П.Е. Чехова еще не был достроен, когда возникла необходимость приютить недавно овдовевшую Федосью Яковлевну Долженко, родную сестру Евгении Яковлевны, и ее 9-летнего сына Алексея. Семью Долженко постигло несчастье: тяжело заболел, умер А.Б. Долженко, муж Федосьи Яковлевны. Небольшие сбережения скоро были истрачены, и Федосья Яковлевна осталась с малолетним сыном без средств к существованию. Единственным выходом было переселиться к Чеховым. Так и сделали. Ф.Я. Долженко помогала сестре вести хозяйство. Дети любили тетю Федосью за ласковый, спокойный характер, доброту, врожденный юмор.

Как вспоминала правнучка А. Б. Долженко Елена Васильевна, «обе семьи, Чеховы и Долженко, были в большой дружбе, по праздникам ходили друг к другу в гости по случаю дней рождения, именин. У Федосьи Яковлевны долго не было своих детей, и она всем сердцем привязалась к племянникам. <...> Старший, Александр, довольно долго жил в семье Долженко. У этих мягкосердечных и добрых людей было легко и просто, можно было отдохнуть от крутого нрава отца Павла Егоровича, торговли в лавке, спокойно делать уроки». В 1865 г. в семье Долженко родился сын Алексей, он был ровесником Михаила Чехова. В детских забавах он всегда увязывался за братьями Чеховыми. Спустя годы он вспоминал: «Братья Чеховы, удачно отделавшись от каждодневных домашних обязанностей, отправлялись к морю купаться, ловить бычков.

За кладбищем, там, где начиналась степь, ловили тарантулов (что считалось особой доблестью у детворы), которых извлекали из нор особым способом, изобретенным Антоном Павловичем. По дороге домой проходили мимо порта; часто на дороге находили орехи и рожки, высыпавшиеся из провозимых на телегах мешков, кем-то прорезанных. Набивали этим добром полные карманы. Попутно дразнили мальчишек-греков: «Грек Пиндос, воды не донес, отдай мой gros, копейца луцце».

Однако две семьи недолго прожили в моисеевском доме. Казалось, начинается хорошее время. Семья Чеховых, оставив в 1874 г. наемный дом, въезжала в собственный. Этому долгожданному событию сопутствовало другое – 20-летие супружеской жизни П.Е. и Е.Я. Чеховых

Юбилей музея

Нынешний дом по улице Александровской, 100, украшенный, как и в годы чеховского детства, большой черной вывеской, в Таганроге знают все. Это мемориальный музей «Лавка Чеховых», отметивший 4 ноября 2002 г. свое двадцатипятилетие. За прошедшие годы экспозиция музея значительно пополнилась новыми экспонатами. В 1982 г. стараниями сотрудников были открыты новые залы, два зала были реконструированы. Сегодня музей имеет в основном законченный облик, воссоздавая умелым показом старинных предметов, документов, фотографий ушедший мир прошлого столетия, мир семьи Чеховых.